

ПЕРВАЯ половина гастролей Большого театра СССР в Кишиневе богата яркими впечатлениями. И может быть, наиболее сильным из них для большинства любителей оперы, которым посчастливилось побывать на спектаклях гастролеров, стали встречи с искусством Евгения Нестеренко. Досифей в «Хованщине» Мусоргского, Сальери в опере Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери», король Рене в «Иоланте» Чайковского, большая программа сольного концерта в Органном зале — каждое исполнение отмечено неповторимым своеобразием таланта выдающегося арти-

ста, безукоризненным совершенством, подлинным мастерством.

«Этот артист выделяется среди своих коллег не только яркостью и своеобразием таланта, но и интересными творческими поисками, постоянным вниманием к новой советской музыке. Нестеренко во всех отношениях является достойным продолжателем новаторских традиций русской вокальной школы», — писал Д. Шостакович. В статье о творчестве Е. Нестеренко Мариэтта Шагинян со свойственной ей глубиной и точностью анализа назвала артиста «величиной первой степени». «Не-

стеренко — представитель советского характера в искусстве, что чрезвычайно важно... Он может в один вечер перейти от духовного пения к какому-нибудь очень сильному эмоциональному. Но, разнообразно подавая этот материал, он сходен в главном — во вкусе. Быть все время на верхнем этаже понимания искусства! Нестеренко учит нас большому нравственному чувству. Вы понимаете, что перед вами не только замечательный певец, крупнейший бас, но и человек. Прежде всего правдивость выражения, доброта отношения к слушателю, желание доставить ему

наслаждение, дать настоящий кусок хлеба искусства — вот что привлекает к нему сердца». «Силой своего голоса, великолепными красками звучания, актерским воплощением роли он напоминает нам гения, чье имя было Шалепин», — писала венгерская «Непсабадашга». «Сходство между тембром Шалепина и звучанием голоса баса Большого театра интересное и поразительное», — читаем мы в стохгольмской газете. «Нестеренко в роли короля Рене дал истинное представление о том, как пел легендарный Шалепин», — отмечает критик австрийской газеты. В моно-

графии об артисте критик А. Гусев пишет: «Ныне Нестеренко по праву считается одним из ведущих мастеров советского и мирового оперного театра... Прекрасная вокальная школа, полученная у В. Луканина, позволяет Нестеренко уверенно брать сочные «соль» и «фа» большой октавы, свободно чувствовать себя в верхнем регистре. Это позволяет ему исполнять огромный по диапазону репертуар и... создает известные трудности в определении характера его голоса: во время гастролей Большого театра в Милане в 1973 году он буквально ошеломил миланских

критиков, спев партии Руслана и Игоря, а через несколько дней добавив к ним Кончака. На всем большом диапазоне его голоса звук тянется ровно и эластично, манера звуковедения мягка и благородна. Даже в самых эмоционально насыщенных местах никогда не возникает ощущения напряженности, не чувствуется, что голос на пределе». Евгений Нестеренко назван в числе лучших исполнителей партии Бориса Годунова за столетие ее сценической истории. «Новый великий Борис», — утверждает французская газета. Венская газета пишет: «В этой партии Несте-

ренко уже сегодня должен быть признан непревзойденным».

Мы привели лишь отдельные фрагменты из огромной литературы о творчестве замечательного певца, чтобы представить в какой-то мере нашим читателям сегодняшнего гостя «Вечерки». Беседа с Евгением Евгеньевичемместила широкий круг вопросов — от чисто творческих до общих проблем культуры, поисков путей совершенствования эстетического воспитания молодого поколения слушателей.

В гостининой «Вечерки»

«ЗАВЕТНОМУ ЗВУКУ ВНИМАЯ...»

Наш собеседник-лауреат Ленинской премии, народный артист СССР Евгений Нестеренко

— Поделитесь, пожалуйста, своими впечатлениями от встреч с нашей публикой в оперных спектаклях, в концертном выступлении.

— В Кишиневе я не был десять лет. Город очень разросся, похорошел, стал еще более уютным и вместе с тем более столичным. Понравился театр, вернее, — его сцена. Она позволяет ставить самые сложные спектакли, да и петь на ней приятно: голос слышен во всех уголках зрительного зала. А красоте Органного зала могут позавидовать многие города страны. Реакция публики мне показалась компетентной. Чувствовалось, что даже произведения, которые не идут на молдавской оперной сцене, воспринимались очень точно. Атмосфера зрительного зала всегда дорога артисту. Невозможно без волнения и благодарности вспомнить напряженное внимание зрительного зала, слушавшего «Хованщину», эмоциональные реакции зрителей в «Иоланте», почти осязаемое затаенное дыхание зала на спектакле «Моцарт и Сальери». Прекрасный слушатель был и на концерте.

— Редкую атмосферу полного единения слушателя и исполнителя, сознания нетленности красоты музыкальных шедевров, неисчерпаемости чувств, которые могут быть вызваны, казалось бы, давно известными сочинениями, — всего этого кишиневцы после встречи с вами не забудут долго. Наверное, это очень трудно, имея столь обширный камерный репертуар выбирать произведения для гастрольного выступления?

— В данном случае программу «составляли» больше обстоятельства, чем я. Во-первых, мне хотелось расширить

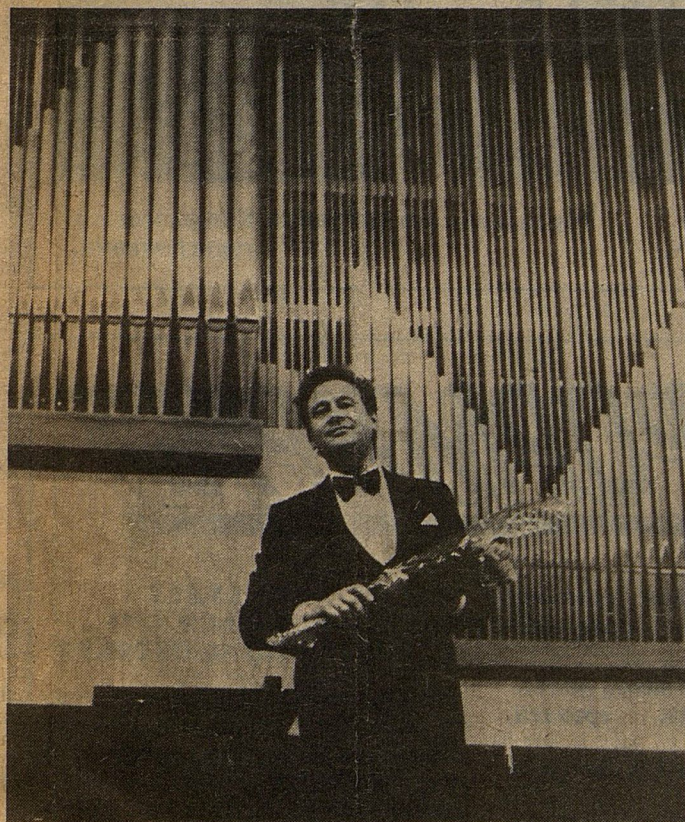
в какой-то мере палитру гастрольной афиши театра, и я включил в концерт арии из опер, не привезенных театром в Кишинев. Мне было бы легче варьировать с камерным репертуаром, если бы со мною выступал мой постоянный и многолетний концертмейстер замечательный музыкант Е. М. Шендерович. Когда я выступаю с Владимиром Крайневым — там тоже свой стержень, своя идея у каждого произведения, свой принцип построения программы. На этот раз я обратился к ансамблю музыкантов нашего театра. Хотелось включить в концерт и любимые сочинения, и показать широту диапазона. Все-таки я десять лет не пел перед кишиневцами, и рад, что, судя по приему, и мое выступление, и игра ансамбля понравились слушателям. Когда я приезжаю в города, где меня хорошо знают, где определенный круг людей втянут в круг моих вкусов, устремлений, я обычно формирую более однородную программу. Учтываю также и традиции городов. Скажем, в Италии любят слушать оперные арии. В Австрии — романсы и песни...

— Евгений Евгеньевич, вы часто выступаете в печати, скоро выйдет в свет ваша книга «Жизнь в пении», на телевидении вы ведете передачу «Музыка для всех», как бы продолжая уже на новом, современном уровне пропагандистскую деятельность незабвенного Сергея Яковлевича

Лемешева, который в свое время вел цикл радиопередач об оперном искусстве.

— Да, я пытаюсь по-своему вмешаться в тот огромный поток информации, который дает в наше время телевидение массовому зрителю. Стараюсь в этой работе не отступать от каких-то важных для меня принципов, знакомлю слушателей только с теми произведениями и исполнителями, которые соответствуют самым высоким критериям и моему вкусу. Сегодня это крайне необходимо. Я не считаю, что все люди должны любить серьезную музыку, но я уверен, что музыка, которой я служу, способна возвышать душу человека, а она, к сожалению, многим просто незнакома. Я знаю людей, которые, однажды побывав на хорошем оперном спектакле, в корне изменили свое отношение к серьезной музыке. Я много разъезжаю по стране и убежден: там, где хорошо поставлено дело воспитания зрителя, нет пустующих залов, а на концерты классической музыки попасть бывает просто невозможно. Как, к примеру, вдохновенно проходят глинкавские фестивали на Смоленщине! Публика — и самая профессиональная, и любители, рабочие, сельские жители — прекрасно воспитана.

И все-таки проблема не снята. Большая часть молодежи к восприятию высокой музыкальной классики не готова. Причин тут много. Главная — серьезный пробел в

Кишиневе «Вечерки» Кишинев»
самые добрые пожелания

Евгений Нестеренко 13.9.84

воспитании. Что поют сегодня наши самые маленькие граждане? Детство моего поколения прошло в звучании прекрасной музыки — люди умели и любили петь народные песни, песни военных лет, собираясь вместе, не мыслили дружеского застолья без хорошей песни. А сейчас? В лучшем случае поют шлягер, в унисон, без элементарного многоголосия. А как сократилось количество самодельных хоров. Или духовых оркестров. Зато огромные суммы профсоюзных денег уходят на оплату дорогих и нередко безвкусных костюмов участников ВИА, аппаратуры... Сейчас, когда у нас такие богатые материальные и организационные возможности, надо точнее действовать. Не зря школьная реформа со всей серьезностью ставит эти задачи.

Тема эта меня волнует потому, что «достучаться» до сердца сегодняшнего молодого слушателя пока не удается. Далеко не все делается, телевидение и радио. Я раскрываю утром газету и могу во всех подробностях узнать, как вчера сыгнали «Пахтакор» со «Спартак»». Но я не думаю, что прозвучавшая в концертном зале музыка — менее важное событие, чем нулевая ничья в футболе. Музыкальная критика как факт ежедневной реакции на выступление музыкантов, певцов, исчезла. А ведь исполнителям любых рангов и степеней признания нуж-

на критика, нужен анализ. Нуждаются в этом и слушатели. А что иной раз происходит? Телевизионные программы заняты трансляцией пошлейшего эстрадного фестиваля из Сан-Ремо, в то время как глинкавский конкурс, один из интереснейших в мире, не транслируется. Скромно освещается даже международный конкурс имени Чайковского... Вот почему так нужна активная позиция мастеров искусств, педагогов, нас всех!

— В вашей книге вы тоже об этом пишете?

— Конечно она вся обращена к любителям искусства и, конечно, будет «работать» и на эту важную тему. Много за десятилетия накопилось в душе, памяти. Мне хотелось рассказать о прекрасном, но совсем не легком труде оперного артиста. Жизнь убедила меня, что никаких поблажек человеку искусства судьба не дает. Голос певца — это очень деликатный и хрупкий инструмент, и сам по себе он каждый день может быть разным. Причин тут много. Поэтому так важна для каждого певца надежная вокальная техника, так необходимо чувство актерской ответственности. Они помогают выдержать огромные нагрузки. Скажем, во время трансляции из «Ла Скала» спектакля «Дон Карлос», который видели и в нашей стране, трое из певцов — Прайс, Образцова и я — были больны. Но, конечно, ни о каких заменах не могло

быть и речи, и мы пели. У меня бывали случаи, когда обстоятельства требовали петь большие спектакли и концерты каждый день. Однажды, например, я дал пять сольных концертов в течение шести дней, а весной 1979 года спел в «Ла Скала» шесть спектаклей подряд. В театре шутили: неделя Нестеренко в «Ла Скала».

— Какие гастролы в нашей стране и за рубежом вам предстоят?

— В октябре буду петь в Чехословакии Бориса и Филиппа. В итальянском городе Верчелли, где состоится конкурс оперных певцов, мне предстоит работа в качестве председателя жюри, дам также два концерта. Затем — гастролы в Польше, Болгарии. В Ницце буду петь Мефистофеля, в Вене и Барселоне в «Севильском цирюльнике», в Париже предстоит концерт из оперных арий. В Будапеште и Вильнюсе — две разные версии «Бориса Годунова», оба спектакля мне интересны. Кроме того, в Таллине в декабре спою в спектакле «Атилла», в Западной Германии приму участие в фестивале произведений Шостаковича. Поездок предстоит много. Вообще работы много. Живется нам, артистам, как всем, не труднее и не легче. Не надо думать, что жизнь артиста, его работа — это сплошное удовольствие и нет ничего легче и прекраснее... Что нет ничего прекраснее — я согласен: для меня моя профессия самая прекрасная. Далеко не самая легкая, но прекрасная!

Беседу вела
Л. ДОРОШ.

Фото И. Зенина
и А. Лыкова (АТЕМ).